Любование миром

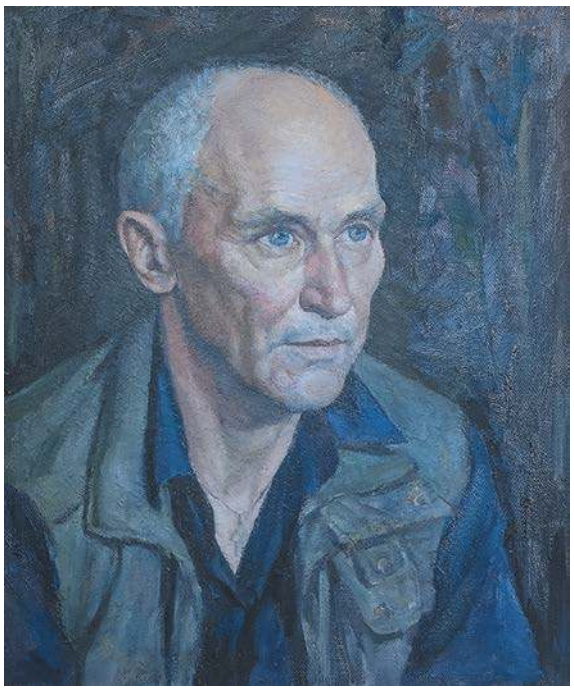
1 сентября открылась экспозиция Алтайской краевой организации Союза художников России «Осень — 2016. Посвящается родному Барнаулу» в выставочном зале музея «Город». Выставка — подарок барнаульцам на 286-й день рождения города — вместила в себя более двухсот произведений живописи, графики и скульптуры девяноста различных мастеров Алтайского края.

Лидия Селезнёва. Ушедшая эпоха. Триптих. Холст, масло. 100х170, 130х80,130х90.
Фото автора

текст
ЕВДОКИЯ КРИВОШЕИНА

Экспозиция не лишена сквозного лейтмотива. Основная тональность — отношение к городу и его окрестностям, немного грусть, немного ностальгия и любование им. Город пускает корни глубже — в степь и село, и интерес к чему-то внеурбанистическому понятен, поскольку и сам Барнаул — лоскуты полей обступили его со всех сторон — уж на одну четвертую по родословной точно не горожанин. Топ-3 выставки, если так можно выразиться: пейзаж, портрет и натюрморт — жанры, на которых стоит живопись, как на китах когда-то стояла Земля. Вместе с тем важно отметить практически полное отсутствие колебаний в сторону абстрактного искусства, интереса к остросоциальным вопросам и проблемам трансцендентно-онтологическим. По сути, это не упрек, а заметка на полях: то, что глубже лежит и сильнее болит, порой легче высказать простым словом, что, однако, не упраздняет необходимость поиска иных форм и направлений.

Центральным и смыслообразующим произведением можно считать триптих Лидии Селезнёвой «Ушедшая эпоха» с сидящим на фоне старого дома мужчиной, может быть, ровесником этого дома. Необычна конфигурация и соотнесение частей триптиха между собой, как бы образующих иллюзию реального дома, в остальном же



Иван Мамонтов. Женя Павлов. 2015. Холст, масло. 50х60. *Фото Александра Волобуева*

мастер использует вполне традиционные средства. Но в искусстве, как известно, все держится на чуть-чуть, оттого и образ точен, вылепленный рядом деталей: сломанный забор, газета в окне, эмалированная кружка. Человек, дерево и дом (не на картине, а вообще, как категории) как-то удивительно связаны, у всех есть линии жизни, все они живут и умирают. Дом очеловечен, человек растворен в пространстве, и грусть их общая, одна на двоих, светла и тиха, как ясный осенний день. Дерево кратко в контексте вечности, что уж говорить о человеке, и лет через триста в Барнауле, может быть, не останется ни одного деревянного дома, но ведь ушедшая эпоха была прекрасной, хоть здесь и присутствует доля поэтизации. Если стоять у правой части триптиха, мы, словно пробегая мимо, внезапно сталкиваемся с этой эпохой, мы уже вне ее, и она смотрит на нас с доброй иронией и укоризной; если стоять слева, то можно «войти» в дверь, и мы уравняемся с ней, станем по одну сторону баррикад.

Тема города подхвачена работами других мастеров. Интересно, что Барнаул, запечатленный на многочисленных городских пейзажах, часто задумчив, лиричен, немноголюден, нетороплив, он ностальгирует сам по себе. Таков образ города Владимира Шкиля, отчасти Юрия Чулюкова, Артура Кузнецова. Владимир Шкиль в работе «Город Барнаул. Зимний вечер» сталкивает новое и старое многоэтажками-муравейниками и приземистыми домиками с деревянными верандами; и облака клубятся, может быть, вперемешку с заводским дымом, и мир тёпел, и свет мягкий, предмартовский, физически ощутим.

Впечатления иного свойства возникают от работ Валерия Октября, Евгения Олейникова, Ольги Мирончук, Екатерины Дёмкиной, Василия Куксы. Они расширяют мир до проспектов, шумных магистралей, царапают небо высотками, населяют людьми, машинами, взлетают над ним, выбирая высокую точку обзора, пишут свободно, живо, скоро, не заботясь о неслиянности предметов, потому что одного взгляда уже достаточно, чтобы одухотворить город, дать ему жизнь, продолжение. То, что живописен не только старый город, доказывает Екатерина Дёмкина в картине «Павловский тракт — Малахова»; ее характерная динамичная манера и умение передать светоносные потоки городских огней, сливающихся в гирлянды, делают образ города подвижным, наполненным особой урбанистической романтикой.

Василий Кукса обращается как к прошлому Барнаула, так и к настоящему, запечатлевая и реликтовую водонапорную колонку у Покровского собора, и помолодевший речной вокзал. Между тем в творческом багаже мастера обнаруживаются работы, связанные с иными пространствами, а именно — серия картин на тему старых русских городов («Борисоглебский монастырь», «У стен кремля Ростовского»). Художник использует то яркие, звонкие цвета, порождающие чувство летящее, радостное, одурманенное весной, то, напротив, приглушает колорит, пишет подтаявший снежок почти на уровне Саврасова, создавая ощущение некой пограничности, переходности в природе и человеке.

Пожалуй, самое сложное для династии художников — не превратиться в артель с ярким, но универсальным для всех мастеров языком. К счастью, все

Николай Зайков. Культура – I. 2014. Б., б. уголь, кар., уголь. 92х65. *Фото Александра Волобуева*

Владимир Каминский. Переправа. 2015. Холст, масло. 70х98.
Фото Александра Волобуева

члены династии Октябрь, сохраняя как знак качества неуловимую «октябрьскую» стилистическую общность, всегда узнаваемы собственным неповторимым почерком. Валерий Октябрь представил несколько городских пейзажей. Старое и новое в его работах сливаются в единое наиболее органично, обобщенная манера создает узнаваемый, но не фотографичный образ города, как будто насквозь промытого водой; пейзаж Валерия — это всегда пейзаж-настроение, а сам город не среда обитания, но само существо. Денис Октябрь, для которого предметная среда почти всегда является лишь отправной точкой для категорий более универсальных и умозрительных, выставил работу «Первый день весны». Стоит отметить, что Денис Валерьевич известен и за пределами Алтайского края: 9 сентября 2016 года открылась его персональная выставка в крупнейшем в Санкт-Петербурге музее современного искусства «Эрарта».

Юрий Юрасов. Пушкин. 2009. ДВП, масло.
Фото Александра Волобуева

Но не только урбанистическая эстетика влечет алтайских мастеров: красота первозданная и сельская запечатлена на полотнах, среди которых встречаются как те, чьи авторы скрупулезно следуют диктату натуры, так и те, в которых действительность преображена собственным оптическим фильтром художника. Среди вторых можно выделить Николая Панченко, представившего две работы («Хлеба зреют», «Степь ковыльная»), где земля и небо сливаются в некое ирреальное метафизическое пространство, и Петра Кудинова с особым декоративным взглядом на действительность, которая сжимается у него до символа.

К слову, на выставке представлены работы, стилистический язык которых оригинален и далеко ушел из поля видимости русского реализма. Два небольших произведения Александра Андрусенко узнаваемы своим языком наива и похожи то ли на размытые видения из плохо запомнившихся снов, то ли на детские рисунки; его образы, беззащитные и оголенные, попадают в самую цель. Пабло Пикассо говорил: «Я могу рисовать, как Рафаэль, но мне понадобилась вся жизнь, чтобы научиться рисовать так, как рисует ребенок». Живопись Ларисы Пастушковой тоже условна с точки зрения формы, но более мажорна и во многом вдохновлена народными декоративными мотивами. Две ее картины («Встреча», «Радостная встреча») наталкивают на мысль, что тема встречи — это архетип, взять хоть библейскую историю, хоть греческую мифологию.

Самый человечный жанр — портрет — в количественном отношении представлен менее масштабно, чем пейзаж. Тем не менее ряд выставленных работ доказывает, что человеческая натура, наверное, самая сложная для живописца. В связи с этим особенно ценными кажутся портреты с оттенком психологизма Ивана Мамонтова («Женя Павлов») и Валентина Шипило («Портрет искусствоведа Виталия Одинцова»). Некоторые полотна, на которых запечатлены известные люди Алтая, становятся значимы не только в художественном контексте, особенно, когда на них предстают ушедшие («Портрет В.И. Каминского» Юлии Кикоть, «Вечереет» (портрет А.М. Родионова) Пиргельди Широва). Смотреть в вечность, наверное, трудно, но необходимо.

Графика на многих выставках часто затмевается более активной и яркой сестрой — живописью, но вряд ли это заключение относится именно к качеству графических работ. Среди графиков были замечены мастера как старшего поколения (Юрий Кабанов со свежей серией «Барнаул. Немного истории», в которой он одухотворяет архитектурный церковный фон собственной фантазией), так и молодые авторы (Николай Зайков, Иван Быков).

Трудно считать все представленные на выставке работы равнозначными по уровню мастерства и выразительности, тем не менее, мне кажется, что лучший путеводитель — это собственное сердце, а не статья в журнале, поэтому внимательный и думающий зритель сам способен найти истину. Екатерина Дёмкина, член СХ России и заведующая выставочным залом музея «Город», обещает не менее трех художественных выставок в год, а еще разнообразные новые проекты по привлечению художников из других регионов. Хочется лишь надеяться, что экспозиционные проекты и музея, и Союза будут достойны как друг друга, так и живописного наследия прошлого, а организаторам выставок удастся реализовать не просто абстрактную идею выставки, а концепты, способные привлечь зрителей разных поколений. Наверное, искусство видеть — все-таки высшее из искусств.